ХРАНИТЕЛИ ВРЕМЕНИ: МУЗЕЙ, АРХИВ, БИБЛИОТЕКА
ЧАСТНЫЙ АРХИВ: КОММЕНТАРИИ

УДК 94(093.3)"1938–1941"

Смирнов А.А.

Дневник жены командира. 1938 – 1941

Смирнов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский архитектурный институт (государственная академия)

ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-8812-2541
E-mail: andrey-a-smirnov@j-spacetime.com; andrey.stiel@yandex.ru

Представлен опыт комментированного прочтения и критического исторического анализа дневника Л.А. Безруковой, позволяющий реконструировать социально-экономические реалии советского государства и недавно присоединенной к нему Западной Украины в предвоенный период.

Ключевые слова: Красная Армия; социально-экономические реалии конца 1930-х – начала 1941 гг.; быт офицерской семьи; идентичность; советско-польская война; присоединение Западной Украины (Восточной Польши).

Если сравнить между собой фрагменты дневника Лидии Александровны Безруковой (в девичестве Ильиной; 1892 или 1893–1947), разделенные четвертью века, – те, что помещены выше, с теми, что уже публиковались[1], – то мы убедимся, что как личность Лидия Александровна сформировалась задолго до 1938-го. Такой, как в конце 1930-х, она была еще в 1914-м – образованной, с хорошим слогом, сколь эмоциональной, столь же и рассудительной. Поэтому так много в ее дневниковых записях примет эпохи – в чем-то подтверждающих, а в чем-то и дополняющих наши представления о предвоенном СССР.

Опубликованные выше фрагменты дневника – подготовленные к печати внучкой Лидии Александровны, петербургской журналисткой Людмилой Безруковой – относятся к октябрю 1938 – маю 1941 г., когда Лидия Безрукова жила последовательно в Виннице, Киеве, Ровно и Львове. Часть дневника за 1 августа – 6 ноября 1939 г. в октябре 2016 г. была опубликована в журнале «Родина», причем редакция журнала снабдила ряд дневниковых записей за те или иные числа своими подзаголовками[2].

В Винницу семья командира Красной Армии Николая Ильича Безрукова (1896–1942) попала, по-видимому, вместе с 72-й стрелковой дивизией – передислоцированной осенью 1937 г. из Ленинграда и его окрестностей на Правобережную Украину. (Эта-то *«дивизия»* и дала потом Лидии Александровне машину, чтобы отвезти вещи на вокзал.) К осени 1938-го капитан Безруков служил уже в Киеве, в 36-й легкотанковой бригаде (только что переименованной из 3-й механизированной). Однако семья переехала к нему лишь в феврале 1939-го, когда Николай Ильич был произведен в майоры и прикрепил к петлицам на воротниках гимнастерки и шинели по *«второй шпале»* – по второму медному, покрытому красной эмалью, прямоугольнику старшего командного состава.

С одной стороны, Лидия Александровна была права, когда сокрушалась в феврале 1941-го, что, *«если бы Николай был партийным, тогда, конечно, не засиделся бы в майорах»*. Да, Красная Армия еще и в конце 1930-х оставалась армией классовой, партийной. Да, одногодок и однокашник Николая Ильича по бронетанковым курсам (в дневнике – по *«артиллерийской школе»*), выходец из крестьян и

[1] Безрукова Л. «Говорят, что на войну заберут всех стариков до 50 лет включительно…». Страницы из дневника юной учительницы Лиды Ильиной 1914–1916 годов // Родина. 2014. № 11. С. 63–64.
[2] Безрукова Л. «Просто голова шла кругом…». Дневник жены красного командира о жизни и быте офицерской семьи в предвоенный 1939-й год // Родина. 2016. № 10. С. 122–126.

Кузьма Александрович Семенченко (1896–1965), участник Гражданской и Великой Отечественной войн, генерал-майор танковых войск, после войны – командующий бронетанковыми войсками Ленинградского военного округа

коммунист с 1919 г. Кузьма Александрович Семенченко (1896–1965) в 1941-м был уже генерал-майором танковых войск и командовал 19-й танковой дивизией. Но, с другой стороны, для беспартийного командира из дореволюционных студентов и майорское звание было тогда немалым достижением. Могли ведь подойти к нему и так, как подошли в 1932-м к преподавателю Ульяновской бронетанковой школы Можевитинову:

> «Старый офицер-поручик. Аполитичен, к службе в мотомех[анизированных] частях не пригоден»[1]…

Добавим, что на февраль 1939-го звание майора в СССР «весило» больше, нежели сейчас в России: из-за отсутствия звания «подполковник» оно непосредственно предшествовало полковничьему; майоры сплошь и рядом командовали полками.

Уже «винницкая» часть дневника наглядно отображает ту скудость предвоенного советского быта, когда матери семейства приходилось крутиться как белка в колесе и всячески изощряться, чтобы накормить, одеть и обуть детей. Даже если это была семья старшего командира РККА и даже если она жила на изобильной Украине. Конечно, сказывалось то, что жить приходилось на два дома. Но также и то, например, что питаться приходилось в значительной степени с дорогого «колхозного» рынка: в государственных «продмагах» купить можно было мало что. Насколько необходим тогда был рынок, видно из того, что и даже и там приходилось подчас простаивать *«часа два в очереди»*.

Скудость быта в дневнике сквозит на каждой странице. Не хватало жилья *(«нас уплотнили»*, сиречь подселили в квартиру посторонних людей); ходовым товаром было ношеное мужское белье (его даже воровали на рынке); старший командир Красной Армии не имел лишней гимнастерки (*«суконную гимнастерку украли, а другой нет»*). Не имел, потому что отпуск комначсоставу тканей и готовых предметов обмундирования лимитировался…

Дневник не дает забыть и об узаконенном «отъеме денег» у населения путем «добровольно-принудительной» подписки на государственные займы. Лидии Александровне в августе 1939-го удалось обойтись подпиской на 100 рублей (примерно шестую или седьмую часть месячной зарплаты мужа), а вот в конце 40-х займы отбирали в год до полутора месячных зарплат…

Реалии второй половины 1930-х в дневнике встречаются одна за другой: в 1937-м *«забрали неизвестно куда»* знакомого; *«орденоносец»* помогает своим авторитетом погрузить в пассажирский вагон кур (что, мягко говоря, не положено); жительница Львова – украинка говорит только по-польски…

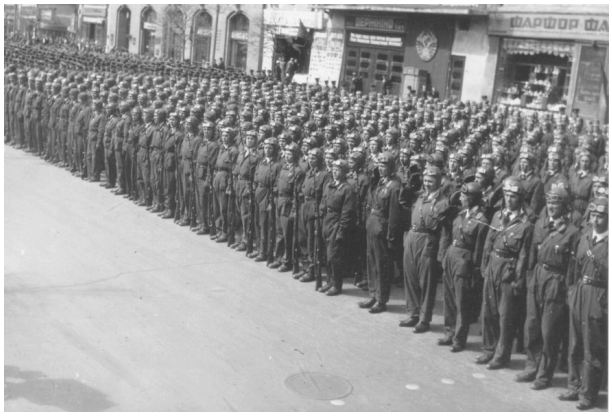
Знакомый явно стал одной из примерно полутора миллионов жертв массовых политических репрессий 1937 – 1938 гг. («большого террора», «ежовщины»).

Слово «орденоносец» отразило утрату в «государстве победившего пролетариата» европейской традиции, согласно которой орден – это не нагрудный знак (ценный сам по себе), а *корпорация людей*, объединенных общими ценностями, общими заслугами перед государством (а нагрудный знак – лишь знак принадлежности к этой корпорации). В конце 1940-х, на волне общей «реабилитации» реалий дореволюционной России, вновь стали было культивировать понятие «кавалер ордена» (т.е. член орденской корпорации; вспомним хотя бы фильм 1950 г. «Кавалер Золотой Звезды» с Сергеем Бондарчуком в главной роли). Но в конце 1930-х слово «орденоносец» вставляли даже в титры кинофильмов (если тот или иной снявшийся в фильме актер был награжден советским орденом). А особое уважение к немногочисленным еще «орденоносцам» – многократно зафиксированная современниками черта эпохи…

Ну, а Львов конца 1930-х – это вот уже много веков как польский город (во всяком случае, город польской культуры). Основанный на старых восточнославянских землях «королем Руси» Даниилом Галицким, названный в честь его сына Льва Даниловича, но еще в 1349-м присоединенный королем Казимиром III к Польше, к 1939-му он был уже едва ли не одним из символов польской национальной идентичности. Достаточно вспомнить ставших польской национальной легендой «львовских орлят» – школьников-поляков, дравшихся в ноябре – декабре 1918 г. с оружием в руках с украинцами, которые пытались сделать Львов столицей Западно-Украинской народной республики (ЗУНР)… Без знания «львовской гвары» (или других говоров польского языка) в этом городе в период между Первой и Второй мировыми войнами делать было нечего…

[1] РГВА. Ф. 62. Оп. 3. Д. 250. Л. 157.

А в воздухе между тем явственно пахло грозой. 1 сентября 1939 г. Президиум Верховного совета СССР издал указ о снижении призывного возраста с 21–22 [1] до 19 лет, а для окончивших полную среднюю школу – до 18 лет. И не случайно. Такая мера позволяла – призвав сразу три возраста (19-, 20- и 21-летних) и часть четвертого (18-летних) – резко увеличить численность Красной Армии. А ей – как уже знал товарищ Сталин – в ближайшие же недели предстояло вступить в бой. Секретные приложения к подписанному 23 августа 1939 г. «пакту Молотова – Риббентропа» предусматривали включение в состав СССР восточной Польши (Западной Украины и Западной Белоруссии), Латвии, Эстонии, Финляндии…



Войска РККА на Крещатике на параде 1 мая 1939 г. На нижнем фото: идут танки Т-26 той самой 36-й легкотанковой бригады, где служил Н.И. Безруков

Поэтому-то в первой декаде сентября 1939-го Киев и наполнился призванными военнообязанными – в СССР провели частичную мобилизацию. Поэтому-то и закрывали в Киеве часть школ, чтобы разместить там госпитали. Поэтому-то и уходили из Киева *«один за другим»* танковые батальоны 36-й легкотанковой бригады, шли *«нескончаемой вереницей»* свыше двухсот ее легких танков Т-26. Их путь лежал к польской границе, туда, где сосредоточивалась Житомирская группа войск Украинского фронта (16 сентября ее переименовали в Шепетовскую, 18-го – в Северную группу войск, а 28-го – в 5-ю армию). Поэтому-то население Киева и бросилось уже 10 сентября *«в панике»* закупать в магазинах продовольствие: БУДЕТ ВОЙНА! А значит, как в «империалистическую» и гражданскую, будут и перебои с продуктами… То же самое было в те дни и в других городах СССР, то же повторилось и после начала 30 ноября 1939 г. советско-финляндской войны, а потом и 22 июня 1941-го.

Советские войска пересекают границу Польши. 1939

Война – вторжение Красной Армии в Польшу – началась 17 сентября. Это была фактически именно советско-польская война[2] (а не просто «освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию»): части Украинского и Белорусского фронтов получили задачу на разгром польских войск. Правда, польский главнокомандующий маршал Польши Эдвард Рыдз-Смиглы приказал вступать в бой с «Советами» только если те будут мешать полякам уйти в Румынию, Венгрию или Литву, – но бои вспыхивали и в ряде других случаев.

Перейдя польскую границу, 36-я легкотанковая бригада (и с нею майор Безруков) двинулась по Западной Украине на запад: Ровно – Дубно – Луцк – Владимир-Волынский – Холм (ныне Хелм в Польше)… Пройдя всю Волынь, она вступила, форсировав Западный Буг, в пределы Холмщины (Холмской Руси), а затем, перейдя реку Вепш (Вепрж), в пределы этнической Польши и дошла до станции Пяски (30 км восточнее Люблина). Оттуда пришлось вернуться на Волынь: 28 сентября СССР и Германия подписали договор о дружбе и границе, по которому эта последняя перемещалась с Вислы на Буг…

[1] До 1939 г. на действительную военную службу в СССР призывали тех, кому на 1 января года призыва исполнился 21 год. Поскольку призыв проводился осенью, в армию, таким образом, шли служить, имея от роду 21 или (в большинстве случаев) 22 года.

[2] См.: Степанов А.С. ВВС РККА в войне против Польши осенью 1939 г. // История авиации. 2000. № 6. С. 11–12; Он же. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 377–378.

Красноармейцы переправляются через верховья Западного Буга. Сентябрь 1939 г.

Танк Т-28 форсирует вброд речку у местечка Мир в Восточной Польше (ныне поселок Мир Гродненской области, Беларусь). Сентябрь 1939 г.

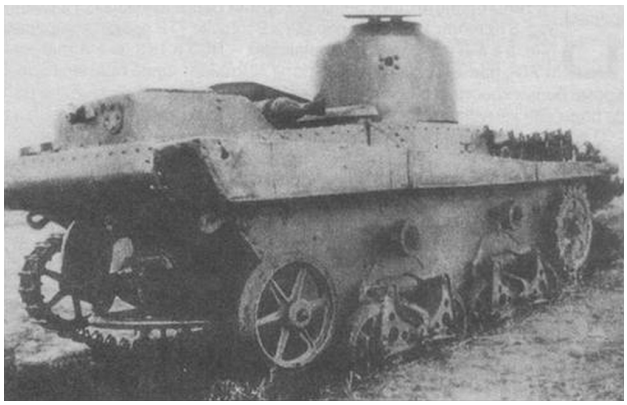
Мечислав Сморавинский (Mieczysław Smorawiński, 1893–1940), бригадный генерал Войска Польского

В первый день польские войска сдавались бригаде без сопротивления, но Рогачув (западнее Дубно) утром 18 сентября заняли уже после небольшого боя. С боем же пришлось и занимать 19-го окраину Владимира-Волынского. Только после этого, 20 сентября, начальник польского гарнизона генерал бригады Мечислав Сморавинский вступил с командиром 36-й легкотанковой комбригом Михаилом Михайловичем Богомоловым в переговоры, о которых Богомолов и военный комиссар бригады бригадный комиссар Александр Петрович Синицын рассказывали 28 октября в киевском ДКА.

Слушая, *«какое интересное было у них свидание и разговор с польским генералом»*, сидевшие в зале *«от души хохотали»*, но дело было некрасивое. Поверив обещанию Богомолова разрешить им свободный уход на запад, за Буг, *«полячкИ»* прекратили сопротивление – но были не отпущены, а объявлены военнопленными. Подобные нарушения советскими командирами своего слова были в те дни нормой. А генерала Сморавинского (1893–1940) расстреляли весной 1940-го в Катыни…

Впрочем, М.М. Богомолов (1897–1940) – произведенный к тому времени в комдивы и участвовавший в войне с Финляндией в качестве начальника автобронетанковых войск Северо-Западного фронта – пережил его максимум на несколько дней: он скончался 5 мая 1940-го…

А древнюю резиденцию князя и короля Даниила Галицкого – Холм – 36-я легкотанковая взяла 26 сентября после боя, продолжавшегося почти сутки. Это в нем погибли военный комиссар 149-го танкового батальона (одной из четырех танковых частей, входивших в 36-ю легкотанковую бригаду) батальонный комиссар Александр Гаврилович Ивченко и лейтенант Скибо.



Малый плавающий танк Т-37, поврежденный в ходе взятия Холма. Фото из журнала «Танкомастер», http://zhurnalko.net/=weapon/tankomaster/2005-06--num37

В восточных областях Польши советским людям открылся совсем другой мир. То, что *«все очень дешево и всего в изобилии»*, бросалось в глаза и поражало не только военнослужащих 36-й легкотанковой и членов их семей. В те дни в Западной Украине «бойцы и командиры в каждом занятом городе толпами набрасывались в магазины, устраивали толкучки, создавали очереди» и скупали все подряд[1]. Командование и политорганы не зря вели борьбу с этим «барахольством»: многие бойцы и командиры наверняка приходили к тем же выводам, что и военнослужащие 16-го стрелкового корпуса, расквартированного с октября 1939 г. в Литве:

> «Лучше бы не было у нас советской власти. Мы здесь живем и видим, что в капиталистической стране люди живут лучше, чем у нас в Советском Союзе, у них все есть и все дешево, а у нас ничего нет»[2].

[1] Цит. по: Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. С. 377.

[2] Цит. по: Петров Б.Н. Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. Вып. 10. М.: ООО «Церера», 2000. С. 273.

У портного. Художник Бруно Шульц. 1920-е гг.

Кентшин. Ателье портного Вробеля. Фото первой половины 1930-х гг.

Обложка польского модного журнала. 1937 г.

Конечно, в том, что в Польше (как подметил уже начальник политотдела 36-й легкотанковой бригады батальонный комиссар Петр Авксентьевич Земляной) *«женщины одеваются очень хорошо»*, была и заслуга польских портных – одних из лучших в Европе. Но главной причиной тогдашней советской нищеты (*«наши понаехали как куклы драные и рваные»*) и закордонного изобилия действительно были преимущества капиталистической экономики перед социалистической.

Это, во-первых, нежелание сталинского государства заинтересовывать производителя в хорошей работе материально. Какое продовольственное изобилие могли обеспечить тогдашние колхозы, если львиную долю своей продукции они обязаны были, в порядке выполнения плана государственных заготовок, «продавать» государству по ценам на порядок ниже рыночных (фактически, сдавать безвозмездно)?

Это, во-вторых, ставка марксистов на замену свободного рынка централизованным распределением товаров. «Советская торговля» тоже ведь не была свободной торговлей, она продавала населению то строго лимитированное количество товаров, которое выделили для данного города, района, области и т.п. государственные плановые органы. А они в принципе не могли учесть все запросы потребителя так полно, как частник! И потому, что это было для них невозможно физически, и потому, что их служащие не были так заинтересованы в работе, как частник – клавший полученную за хлопоты прибыль в свой (а не в государственный) карман. Вспомним еврейских торговцев и «факторов» (комиссионеров) тех самых Юго-Западного края и Царства Польского, на территории которых жили и воевали бойцы и командиры 36-й легкотанковой:

> «– Так вы скажите, какой вам надобен? Ах, ну 86-й! Так вы бы так и сказали. Наверно, и я мог бы догадаться, что пан полковник пишет 86-м номером. Ну так я же мог бы спросить у пана адъютанта Бочарова. Они таки должны знать, какими перьями пишет пан командир. Ну, так завтра уже у вас будут такие перья. Надо, чтобы пан полковник был-таки доволен. В этом секрет коммерции.
>
> И "пан полковник" был доволен – назавтра ему принесли перья 86-го номера. Те самые, какими он писал двадцать пять лет»[1]…

В-третьих, сказывались чудовищные диспропорции в сталинской экономике – перекосы в сторону производства средств производства, а не предметов потребления, в сторону военной продукции (те самые «пушки вместо масла», в которых советская пропаганда любила обвинять «страны империализма»).

В этом и заключался ответ на вопрос, вырвавшийся у Лидии Александровны в ноябре 1940-го прямо-таки криком души: *«И когда же мы будем жить хорошо? Когда будет у нас все дешево? Когда можно будет все достать без очереди? Ведь вот у поляков было же хорошо, не только же «пани» у них жили хорошо. <…> А при нас «на изволенной земле», где было такое изобилие, быстро ничего не осталось. <…> Почему так?»* Потому что «социалистические преобразования» стали проводить и в «вызволенных» «из панского ярма» Западной Белоруссии и Западной Украине. А «изобилие» товаров, произведенных при «буржуазно-помещичьем строе», было быстро сметено потоком покупателей, хлынувшим из «страны победившего социализма». Этот повышенный спрос уже в январе 1940 г. (как зафиксировала, живя в Ровно, Лидия Александровна) привел и к повышению цен – так удививших в сентябре 1939-го советских граждан. Тем более, что, после того, как 21 декабря 1939 г. Западная

[1] Краснов П.Н. Накануне войны. Из жизни пограничного гарнизона // Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 369–370.

Украина и Западная Белоруссия перешли на советскую валюту, польские злотые там обменяли на рубли (чья покупательная способность была гораздо ниже) по курсу 1 : 1, а у предпринимателей конфисковали часть капиталов, запретив обменивать на рубли суммы свыше 300 злотых[1].

Нехватка мотивации у производителя и диспропорции в сталинской экономике были таковы, что даже «зимняя война» с маленькой Финляндией (30 ноября 1939 – 13 марта 1940 г.) сразу же расстроила продовольственное снабжение в СССР. От этой войны оно не смогло в полной мере оправиться еще и к июню 1941-го. Во многих регионах местным властям пришлось даже самочинно вернуться к отмененной в 1935-м карточной системе. Во Львове до этого не дошло, но с октября 1940-го в нем стали действовать вновь установленные для торговли всей страны урезанные нормы отпуска товаров в одни руки. Если раньше печеного хлеба в одни руки могли продать до 2 кг, а мяса – до 1 кг, то теперь постановили *«хлеба и всех продуктов давать по кило, а мяса по полкило»*. Заметим, что под «всеми продуктами», кроме мяса, Лидия Александровна, видимо, разумела рыбу, молоко и овощи. Растительного масла в одни руки теперь полагалось отпускать всего по 0,4 кг (вместо 0,5 кг), сметаны и сыра (продажа которых раньше вообще не нормировалась) – по 0,2 кг, а норма отпуска животного масла еще с апреля 1940 г. составляла 0,2 кг вместо прежних 0,5 кг. Только картошки с октября 1940 г. опять разрешили отпускать по 5 кг вместо установленных в апреле 2 кг [2]…

Теперь надо было либо становиться в очередь всей семьей, либо (как стала делать Лидия Александровна, семье которой того же хлеба в день требовалось 3 килограмма) становиться по нескольку раз…

…Между тем поздно вечером 9 июня 1940 г. опять *«зашумели, загалдели танки»*: 36-я легкотанковая бригада опять отправлялась на войну. Правы оказались те жены командиров, которые предположили, что *«их мужья едут на румынский фронт»*: советское руководство готовилось вернуть военным путем оккупированную в 1918 г. Румынией Бессарабию и создавало у румынской границы ударные группировки. Переброшенная из Ровно по железной дороге на юг, в район Каменца-Подольского, 36-я легкотанковая вошла в состав 49-го стрелкового корпуса 5-й армии Южного фронта. Этому корпусу предстояло вторгнуться в Бессарабию с севера, из западной части Подолии…

До войны в тот раз не дошло: 28 июня Румыния приняла советский ультиматум, и советские войска *«взяли Бессарабию»* (а заодно и никогда не входившую в состав России Северную Буковину) без боя. Но СССР продолжал готовиться к большой войне. Именно поэтому с 1 сентября 1940 г. обучение в старших классах школы (8-м, 9-м и 10-м) и в вузах в Советском Союзе стало платным. Большая война требовала мощной промышленности, и государство решило лишить часть молодежи возможности продолжить образование, чтобы вынудить ее идти на производство. (Разумеется, в постановлении Совета Народных Комиссаров СССР причиной введения платы за обучение был объявлен «возросший уровень благосостояния трудящихся»[3] …).

За дочь-студентку Безруковым теперь надо было платить в год 400 рублей (если бы она училась не в Киеве, не в столице союзной республики, то плата составила бы «только» 300 руб.), за дочь-девятиклассницу – еще 150 (учись она не во Львове, а в Киеве, платить бы пришлось все 200)[4]. Пока что семья майора худо-бедно справлялась, но с сентября 1941-го – когда старший сын должен был пойти в 8-й класс – ей предстояло выкладывать за обучение детей уже по 700 рублей в год, т.е. по одной месячной зарплате главы семьи. Большинству же семей в такой ситуации зарплат надо было выложить уже две: среднемесячная зарплата в СССР в 1940 г. составляла 339 руб., а в 1941-м – 357 [5].

Интересно, что постановление СНК СССР № 638 от 2 октября 1940 г. было опубликовано только 27 октября, но Лидия Александровна знает о нем уже к 16-му…

А вот другое правительственное постановление, принятое в 1940-м, могло вызвать только «горячее одобрение трудящихся». 26 июня 1940 г. в стране был прекращен длившийся с осени 1929-го эксперимент с «непрерывкой» – непрерывной рабочей неделей, при которой у одних рабочих и служащих выходной был в один день недели, у других – в другой, у третьих – в третий и т.д. – так, что предприятия работали не останавливаясь ни на день, непрерывно. При этом с 1 октября 1929 г. по 1 декабря 1931 г. неделя фактически была «пятидневкой» (выходной день следовал за каждыми четырьмя рабочими), а потом – «шестидневкой» (один выходной день после пяти рабочих). Вспомним

[1] Баран В.К. Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939 – 1941 гг. Люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 156–159, 168–176; Милевский Я.Е. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939 – 1941 гг. Люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 72.
[2] Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина. 2008. С. 336.
[3] Собрание Постановлений и Распоряжений Правительства СССР. 1940. № 27.
[4] Там же. С. 237.
[5] Баран В.К. Указ. соч. С. 171.

титры к кинофильму «Волга-Волга» (1938 г.): «Первый день шестидневки», «Второй день шестидневки»… Это не только лишало людей привычного, измеряемого семидневными неделями, ритма жизни, но и не позволяло членам семьи проводить выходные вместе.

А *«теперь ведь выходные по воскресеньям*, – в очередной раз осознает Лидия Александровна в воскресенье, 11 мая 1941 г. – *Все на старую дорожку выходим понемножку»*.

Да, еще в 1934 г. в СССР началась постепенная реабилитация традиционной культуры, традиционного быта – с которыми ранее власть вела яростную борьбу как с помехами строительству нового общества. Возвращение «прав гражданства» западным танцам и понятию «мода» (1934 г.), возвращение новогодней елки (1934 г.), персональных воинских званий (1935 г.), казачьих частей с их традиционной униформой (1936 г.), генеральских и адмиральских званий (1940 г.), реабилитация русского патриотизма (1934 – 1938 гг.) – вот лишь основные вехи этого «выхода на старую дорожку». Теперь дошло и до возвращения нормальной недели…

«Много разговоров о войне», – записывает Лидия Александровна 1 мая 1941 г. *«В Ровно, говорят, сбили германский самолет»*. Действительно, 15 апреля старший лейтенант П.М. Шалунов из 46-го истребительного авиаполка сбил близ Ровно высотный самолет-разведчик Юнкерс Ju.86R из знаменитой «команды Ровеля» (разведывательной группы главного командования люфтваффе, которую возглавлял полковник Тео Ровель). «Немец» летел фотографировать объекты в районе Житомира, но из-за неисправности одного из двигателей снизился до высоты, на которой его смог перехватить истребитель И-16… На перехват германских самолетов-разведчиков советские истребители в первой половине 1941-го вылетали неоднократно, но сбит был только этот.

А вот высадка весной 1941 г. германского десанта на принадлежавших Финляндии Аландских островах – это миф. Собственно, ее не произошло и потом, а в материковой части Финляндии первые германские войска появились только 6–7 июня 1941 г.[1].

И вновь процитируем трагически звучащую теперь запись, сделанную в день, после которого дневник обрывается: *«Теперь ведь выходные по воскресеньям»*. Мирных воскресений после этого дня, 11 мая 1941 г., оставалось еще пять, шестым было 22 июня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 62. Оп. 3. Д. 250.
2. Собрание Постановлений и Распоряжений Правительства СССР. 1940. № 27.
3. Баран В.К. Экономические преобразования в Западной Украине в 1939–1941 годах // Петровская О.В., Борисенок Е.Ю. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С .156–176.
4. Безрукова Л. «Говорят, что на войну заберут всех стариков до 50 лет включительно…» Страницы из дневника юной учительницы Лиды Ильиной 1914 – 1916 годов // Родина. 2014. № 11. С. 63–64.
5. Безрукова Л. «Просто голова шла кругом…» Дневник жены красного командира о жизни и быте офицерской семьи в предвоенный 1939-й год // Родина. 2016. № 10. С. 232–236.
6. Исаев А.В. Вторжение. 22 июня 1941 года. М.: Яуза, 2016.
7. Краснов П.Н. Накануне войны. Из жизни пограничного гарнизона // Краснов П.Н. Воспоминания о Русской Императорской армии. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 361–442.
8. Мельтюхов М.И. Освободительный поход Сталина. М.: Вече, 2006.
9. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.
10. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2000.
11. Милевский Я.Е. Включение «Западной Белоруссии» в СССР (1939–1941): новая точка зрения // Петровская О.В., Борисенок Е.Ю. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг. Люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. С. 62–76.
12. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина. 2008.
13. Петров Б.Н. Вооруженные формирования Прибалтики накануне и в начале Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2000. №. 10. С. 269–299.
14. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М.: Высшая школа, 1992.
15. Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М.: Яуза; Эксмо, 2008.
16. Степанов А. ВВС РККА в войне против Польши осенью 1939 г. // История авиации. 2000. № 6. С. 11–14.
17. Степанов А.С. Развитие советской авиации в предвоенный период (1938 год – первая половина 1941 года). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.
18. Magnuski J., Kolomiec M. *Czerwony blitzkrieg. Wrzesien 1939. Sowieckie wojska panzerne w Polsce.* Warszawa, 1994.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:
Смирнов, А. А. Дневник жены командира. 1938–1941 / А.А. Смирнов // Пространство и Время. — 2017. — № 1(27). — С. 153—159. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provr_st1-27.2017.53.

[1] Солонин М. 25 июня. Глупость или агрессия? М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 322–323.